

УДК 821.531+910.3+93/94

ПРОСТРАНСТВО И ЕГО ГРАНИЦЫ В «ОПИСАНИИ ИЗБРАННЫХ ДЕРЕВЕНЬ» (ТХЭННИДЖИ, 1751) ЛИ ДЖУНХВАНА

Чеснокова Наталия Алексеевна, аспирант, старший преподаватель, кафедра истории и филологии Дальнего Востока, Институт восточных культур и Античности, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва, РФ). E-mail: chesnatalie@gmail.com

«Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи*, 1751) опального чиновника Ли Джунхвана (1690–1756?) – первое произведение в Корее, написанное в жанре культурной географии. Это историко-географическая характеристика всех восьми провинций, из которых в XVIII веке состояла Корея (Чосон). В повествование включены также многочисленные исторические анекдоты, восхваляющие природу стихотворения и справочные сведения о торговых путях и сельском хозяйстве. Произведение написано на *ханмуне* – кореезированной версии китайского письменного языка. На русский язык впервые переводится в настоящий момент автором статьи.

Исследование посвящено изучению концепта «пространство» и его проявлению в нарративе «Описания избранных деревень», где связаны пространство реальное, определенное географическими границами, и пространство нереальное, имеющее непосредственное отношение к пониманию и ин-

терпретации текста. Наша задача – соотнести пространство и текст; выявить границы «нереального» пространства, которое, по мнению Ли Джунхвана, занимала Корея в XVIII веке, и объяснить причины подобного восприятия.

В результате работы обнаружено, что «нереальное» пространство, описываемое Ли Джунхваном, воссоздается на основе синоцентричной модели мира, где оппозиция «культурный центр – хаос» переносится на международные отношения между Кореей и окружающими ее странами, опирается на утраченные ценности легендарной китайской культуры. Вместе с тем отчетливо прослеживается желание автора через формирование нового культурного пространства определить место Кореи в меняющемся мире.

Ключевые слова: Корея, Чосон, «Описание избранных деревень», «Тхэнниджи», Ли Джунхван, сакральная география, культурное пространство.

SPACE AND ITS BORDERS IN THE “DESCRIPTION OF THE SELECTED VILLAGES” (T’AENGIJI, 1751) BY LI CHUNG-HWAN

Chesnokova Nataliya Alekseevna, Postgraduate, Sr. Instructor, Department of History and Philology of the Far East, Institute for Oriental and Classical Studies, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: chesnatalie@gmail.com

The “Description of the Selected Villages” written in exile by an official Li Chung-Hwan (1690-1756?) is the first Korean book on cultural geography. It tells about the eight Korean provinces: their history, geography, historical anecdotes, poetry that praises Korean nature, and information about trade and routes. The book was written in Hanmun, a Korean form of written Chinese language. Right now it is being translated to Russian by the author of the article.

The study is focused on the concept of “space” and its manifestation in the narrative of the “Descriptions of Selected Villages” where the “real space,” defined by the geographical boundaries, is connected to the “unreal space” that serves as a key element needed for understanding and interpretation of the text. Our task is to correlate the “space” and the text; to reveal the boundaries of the “unreal space” in, according to Li Chung-Hwan, was the Korean state in the 18th century, and to explain the reasons for this perception.

We discovered that the “unreal space” described by Li Chung-Hwan is recreated on the basis of a Sinocentric model of the world where the “cultural center – chaos” opposition was transferred to international relations between Korea and the surrounding countries, and was based on the lost values of the legendary Chinese culture. At the same time, it is clearly seen that Li Chung-Hwan tried to define the place for Korea in a new changing world through the formation of a new cultural space.

Keywords: Korea, Joseon, “Description of the Selected Villages,” “T’aengiji,” Li Chung-Hwan, sacred geography, cultural space.

«Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи*, 1751) [далее – «Описание...»] принадлежит к историко-географическим описаниям *чибанджи*, поджанру *чиджи*, разряду *минчхан*. Оно было составлено чиновником Ли Джунхваном как итог его тридцатилетних скитаний по родной стране и по охвату затрагиваемых тем представляло собой, по словам современного корейского специалиста Син Бёнджу, средневековую «энциклопедию» [4, с. 171]. В настоящий момент произведение считается одним из важнейших сочинений позднего Средневековья и входит в обязательную

школьную программу, однако интерес корейских исследователей преимущественно сосредоточен на анализе представленных исторических событий и географических описаний. Причины же, подтолкнувшие Ли Джунхвана к созданию столь обширного труда, до настоящего момента не стали отдельным объектом изучения в мировом корееведении, хотя именно они – ключ к пониманию содержания самого текста.

«Описание...» было составлено в период, вошедший в историю как «Корейский Ренессанс». Это расцвет корейской культуры и литературы,

обращение к своим традициям в противовес постепенно проникающим иноземным «варварским» знаниям, распространение которых шло из Цинского Китая (1644–1912), где господствовала маньчжурская династия.

Так как понятие географического пространства принадлежит к одной из форм пространственного конструирования мира в сознании человека, и, возникнув в определенных исторических условиях, оно получает различные контуры в зависимости от характера общих моделей мира, частью которых оно является [2, с. 254], то необходимо сделать отступление, уточнив, что издревле Корея находилась под сильным культурным влиянием Китая, в так называемой Sinic Zone [8, с. 3], что проявлялось в том числе в доминировании в корейском пространственном восприятии синоцентричной модели мира. Китай символически помещался в центр квадратной Земли (отсюда самоназвание «Срединное государство») и под купол Неба (откуда другое самоназвание – «Поднебесная»). Земли, не укрытые Небом, считались «варварскими». По причине географической близости к Китаю и многовековых дипломатических отношений *садэ*, Корея считала себя наиболее значимым вассалом, чья задача – следовать Пути легендарных совершенномудрых правителей «Срединного государства», априори считавшихся воплощением добродетелей. Что касается географических описаний, то как и в Китае, так и в Корее они служили не только для фиксации подчиненных государю владений, но и символически объединяли их под рукой монарха.

Подобный порядок продолжался вплоть до XVII века. В 1636 году Корея была вынуждена признать вассалитет по отношению к маньчжурам, которые спустя восемь лет, в 1644 году, свергнут китайскую империю Мин (1368–1644) и займут ее место. Так начнется правление империи Великая Цин и усиление антиманьчжурских настроений в корейском обществе, которые постепенно способствуют оформлению корейского этнического самовосприятия, проявлению интереса к своей родной культуре. Это обусловлено тем, что, с точки зрения синоцентричной модели мира, маньчжуры, Цин, были «варварами» и подчинение им шло вразрез с традиционными конфуцианскими моделями поведения.

Предмет нашего исследования, «Описание избранных деревень», сохраняет подобное не-

гативное отношение к Цин и, как мы считаем, призывает к смене центра «синоцентричного мира». Анализируя представленные Ли Джунхваном исторические факты, мы делаем вывод, что он видел Корею новым, малым «Срединным государством» (*соджунхва*). Для того чтобы это доказать, обратимся непосредственно к тексту произведения.

Культурное пространство в тексте «Описания избранных деревень»

Несмотря на то что в «Описании...» природе родной страны целиком посвящены только две главы – предметно-ориентированная «Горы и реки» (*Сансу*) и имеющая более теоретическую направленность «География» (*Чури*), – все произведение так или иначе построено вокруг идеи освоения пространства и поиске подходящего места в нем для «благородного мужа». Хотя географические сочинения призваны фиксировать «обычное» (или бытовое) пространство, в данном случае мы имеем дело и с описанием мифопоэтического пространства, включенным во второй уровень восприятия текста.

Ли Джунхван шаг за шагом выстраивает новую модель мира, продвигаясь от периферии к центру и противопоставляя центр периферии. Поэтому, анализируя описываемое им культурное пространство, мы можем сделать вывод о том, была ли в XVIII веке теория *соджунхва* популярна среди образованной конфуцианской элиты. Этот вопрос крайне важен, потому что до сих пор у корееведов нет единого ответа на него.

Несмотря на то что ученые Республики Корея единодушны: рост корейского протоэтнического самосознания связан именно с тем, что управлять «Срединным государством» стали бывшие «варвары» [7, с. 150], – возможны дискуссии относительно продолжительности периода сопротивления, то есть того времени, когда под натиском новой культуры в корейском культурном пространстве функционировали силы противодействия и защиты традиционной основы этнической самобытности. Российские историки-корееведы полагают, что пик сопротивления приходится на XVII век [3, с. 408], и с ними согласны многие корейские историки, продлевающие срок сопротивления до начала XVIII века [9, с. 237]. Другие же полагают, что подобная ситуация сохранялась до начала XIX века [5, с. 98–99], а третьи –

что сопротивление было недостаточно сильным для того, чтобы повлиять на происходившие в обществе процессы [10, с. 5].

Обратившись к «Описанию...», мы видим, что Ли Джунхван выстраивает собственное культурное пространство. Необходимо отметить, что еще в XVII веке корейцы знакомятся с европейской картографией через «Карту множества стран мира» (*Конё мангук чондо*) итальянского миссионера-иезуита Маттео Риччи (1552–1610) и «Записи о внешних землях» (*Чикпанвеги*) «Конфуция Запада» иезуита Джулио Алени (1582–1649). Карты были привезены из Китая, преподнесены корейским государям и век спустя перепечатаны, соответственно, в 1708 и 1789 годах. Эти карты разрушали традиционное синоцентричное представление о мире, доказывая, что земля круглая, а за горизонтом живут далеко не «варвары». Двоюродный дед Ли Джунхвана, Ли Ик (1682–1764), в своем многотомном сочинении «Малые речения Сонхо» (*Сонхо сасоль*, 1750–1760-е годы) размышляет о том, что земля – не квадрат, а шар [6, с. 11], но у самого Ли Джунхвана мы не находим ни упоминаний об отдаленных «неварварских» землях, ни о шаровидности земли. Несмотря на это его несоответствующий географическим реалиям текст настолько был популярен, что до сих пор считается «рекордсменом» по числу копий – на данный момент обнаружено свыше 80, каждая из которых была сделана читателем по собственному почину.

Согласно «Описанию...», в основе культурного пространства лежит материк – но на нем, по видимому, расположены только два государства: Китай и Корея. Текст изобилует многочисленными отсылками к китайской истории, начиная с легендарных правителей и заканчивая современными Ли Джунхвану маньчжурами, которых он явно позиционирует как людей недалеких, невежественных, не наделенных ни чувством прекрасного, ни специальными знаниями. В то время как Корея – наиболее близкий вассал Китая, что было предопределено уже самой формой полуострова:

В древние времена люди говорили, что наша страна похожа по форме на пожилого человека. Он сидит, повернувшись в сектор свиньи [на северо-северо-запад], обратившись в сектор змеи [юго-юго-восток], лицом на запад, [словно] кланяется Китайскому государству. С древности [у Кореи] с Китаем хорошие отношения [1, с. 65].

По мнению Ли Джунхвана, сам внешний вид страны предопределял дипломатические контакты. «Кланяясь» Китаю, Корея выражала свою почтительность и демонстрировала готовность прислушиваться к «старшему» – единственной из окружающих его стран. Далее в «Описании...» мы видим, что с приходом маньчжур к власти «Срединное государство» более не могло выступать в качестве ориентира и хранителя культурных традиций, так как маньчжуры исконно обитали на «периферии» и были «варварами». Соответственно, согласно традиционной дальневосточной философии, мандат Неба, определяющий легитимность правителя, был утрачен, и равняться на «Срединное государство» более не представлялось возможным. В той картине мира, которую предлагает Ли Джунхван, нет иного государства, кроме Чосона, которое могло бы стать новым «центром» и быть последним оплотом конфуцианской морали в регионе, куда все сильнее проникают европейские «варварские» ценности.

Ли Джунхван вводит новые ориентиры в культурном пространстве Чосона, прочно связывая их с китайской географией и наследием. Вместо гор Куньлунь новым *axis mundi* он назначает Пэктусан, колыбель многих корейских государств и высшую точку на полуострове:

Один из отрогов гор Куньлунь простирается к востоку, к горе Иулюйшань, проходя по южной части пустыни Гоби, доходя до района Ляодун. Если пересечь Ляодун и вновь подняться на гору, то это окажется Пэктусан. Та самая гора, которая в «Книге гор и морей» (Шань хай цзин) называется «Бусян» [кор. Пульхамсан] [1, с. 11].

К сожалению, в рамках настоящей статьи мы не можем подробно остановиться на данном моменте, но проведенное нами исследование доказывает, что Ли Джунхван, случайно или намеренно, сфабриковал данную культурную связь. Бусян, описываемый в «Книге гор и морей», располагается в ином месте. Однако важно, что Ли Джунхван обращается именно к данному классическому китайскому литературному произведению, так как оно было первым памятником, описывавшим китайское культурное пространство и разъяснявшим, где «центр» и «периферия», «культура» и «хаос», «цивилизация» и «варвары».

Читая «Описание...», мы обнаруживаем удивительную близость данного памятника к «Книге гор и морей»: островные государства и племена,

расположенные за морем, населены «варварами». Одно из подобных государств – Япония, чьи земли удалены от культурного центра, а потому люди там невежественны, грубы, дики и опасны. У них ничему нельзя научиться, и стоит избегать соседства с ними. Так, например, рассказывая о корейской провинции Чолладо, Ли Джунхван замечает:

Земли всех восьми городов находятся вблизи Южного моря. В зимние месяцы травы и деревья не увядают, насекомые не прячутся в землю. Испарения от тумана [в] горах и [над] морем вызывают болотную лихорадку. А, кроме того, [это] близко к Японии, поэтому, хотя земли и плодородные, место для жизни неподходящее [1, с. 32].

Ли Джунхван показывает нарушение гармонии. Вместо традиционной для большей части Корейского полуострова смены четырех времен года жители Чолладо имеют дело только с теплой погодой. Листья деревьев не меняют свой цвет и не опадают, как это присуще иным деревьям в знакомых Ли Джунхвану местах. Нарушается цикличность, время останавливается. Сам воздух-«испарения», выраженный словосочетанием «киджын», состоящий из пары иероглифов – «энергия» и «жаркий», губителен для людей. Причина тому – удаленность от символического «центра», а также непосредственный контакт с «варваром», который не только физически (через пиратство и вооруженные нападения) угрожает жителям земель, но и на духовном, культурном уровне оказывает разрушающее воздействие. Похожую аналогию мы встречаем в тексте о провинции Кёнсандо:

К востоку от [Чин]джу – Ёйён и Чхоге, [их] обычаи очень похожи на [обычаи Чин]джу. К югу от [реки] Ёнкан тринадцать поселений. Издревле [оттуда вышло] мало достойных людей. Соседи по морю – карлики [устар. японцы]. Водные источники все – ядовиты. Нельзя [там] жить [1, с. 28].

Текст «Описания избранных деревень» изобилует подобными отсылками, что позволяет сделать вывод об укрепившемся в сознании средневековых корейцев представлении об оппозиции «культурного центра» и враждебной «периферии», а также стремлении закрепить за собой новое культурное пространство, в котором Корея, окруженная «варварами», играла роль носителя «цивилизации», а не, напротив, оказывалась в подчиненном положении и вынуждена была вступить в вооруженный конфликт.

Проведенное исследование доказывает, что, несмотря на то что в XVIII веке Корея уже была знакома с европейскими представлениями о мире (в том числе, что Земля – это шар), «Описание...» консервативно и, выстраивая культурное пространство, обращается к традиционному китайскому канонам. Кроме того, в нарративе мы обнаруживаем элементы теории *соджунхва* (Корея – «Малое “Срединное государство”»), которые выражены через акцентирование культурно-географической преемственности от Китая, формирование представления о Чосоне как единственном легитимном наследнике Китая и противопоставление его географического положения другим государствам, расположенным на Дальнем Востоке.

Данное исследование – предварительный этап изучения формирования культурного пространства в Корее в XVIII веке. В будущем представляется необходимым изучить аналогичные географические труды, чтобы выяснить, был ли Ли Джунхван первопроходцем, или подобная идея была широко распространена среди интеллектуальной элиты страны. Так как на данный момент переводы (в том числе на современный корейский язык) большинства произведений данного периода отсутствуют, исследователю необходимо восполнить этот пробел и обратиться непосредственно к первоисточникам.

Литература

1. Ли Джунхван. Описание избранных деревень (Тхэнниджи) / ред. Чхве Намсон. – Кэйдзэ (Сеул): Чосон кванмунхва, 1912. – 89 с.
2. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2015. – 416 с.
3. Симбирцева Т. М. Владыки старой Кореи. – М.: РГГУ, 2012. – 640 с.
4. Син Бёнджу. Выдающиеся произведения периода Чосон (Чосон чхвего-ый мёнждодыль). – Сеул: Humanist, 2006. – 339 с.
5. Хо Тхэён. Критическое исследование вопроса о корейском национализме второй половины периода Чосон (Чосон хуги-ый вонминджокчуй мундже-е тэхан пипханчок комтхо) // International Journal of Korean History. – Сеул, 2008. – Т. 12. – С. 89–112.

6. Чан Сонкю. История Пэкту тэган (Пэкту тэган-ый ёкса). – Пхаджу: Хангук хаксульчонпо, 2008. – 197 с.
7. Eckert C.J., Lee Ki-baik, Lew Y.I., Robinson M., Wagner E.W. *Korea Old and New: A History*. – Seoul: Korea Institute, 1990. – 455 p.
8. Fairbank J. K. *The Chinese World Order*. – Cambridge: Mass., 1968. – 416 p.
9. Han Young Woo. *A Review of Korean History. Vol. 2. Joseon Era*. – Paju: Yongsaewon, 2010. – 319 p.
10. *Sources of Korean Tradition. Vol. 2. From the sixteen to the twentieth centuries*. – New York: Columbia University Press, 2000. – 487 p.

References

1. Li Dzhunkhvan. *Opisanie izbrannykh dereven' (Tkhennidzhi) [Description of the Selected Villages (T'aengniji)]*. Ed. by Choe Namseon. Seoul, Joseon Gwangmunhwoe Publ., 1912. 89 p. (In Hanmun).
2. Lotman Y.M. *Vnutri mysl'ashchikh mirov [Inside the Thinking Worlds]*. St. Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2014. 416 p. (In Russ.).
3. Simbirtseva T.M. *Vladyki Staroy Korei [The Rulers of Old Korea]*. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2012. 640 p. (In Russ.).
4. Sin Bendzhu. *Vydayushchiesya proizvedeniya perioda Choson (Choson chkhvego-yy mendzhodyl') [The masterpieces of the Joseon period (Joseon choego-ul myeongjo-deul)]*. Seoul, Humanist Publ., 2006. 339 p. (In Korean).
5. Kho Tkheen. *Kriticheskoe issledovanie voprosa o koreyskom natsionalizme vtoroy poloviny perioda Choson (Choson khugi-yy vonmindzhokchuy mundzhe-e tekhan pipkanchok komtkho) [A Critical Review on the Issue of Proto-Nationalism during Late Chosŏn]. Mezhdunarodnyy zhurnal koreyskoy istorii [International Journal of Korean History]*. Seoul, 2008, vol. 12, pp. 89-112. (In Korean).
6. Chan Sonkyu. *Istoriya Pektu tegan (Pektu tegan-yy eksa) [The History of Baektu-daegan (Baektu-daegan-ui yeoksa)]*. Paju, Hanguk haksuljeongpo Publ., 2008. 197 p. (In Korean).
7. Eckert C.J., Lee Ki-baik, Lew Y.I., Robinson M., Wagner E.W. *Korea Old and New: A History*. Seoul, Korea Institute Publ., 1990. 455 p. (In Korean).
8. Fairbank J.K. *The Chinese World Order*. Cambridge, Mass Publ., 1968. 416 p. (In Eng.).
9. Han Young Woo. *A Review of Korean History. Vol. 2. Joseon Era*. Paju, Yongsaewon Publ., 2010. 319 p. (In Korean).
10. *Sources of Korean Tradition. Vol. 2. From the sixteen to the twentieth centuries*. New York, Columbia University Press, 2000. 487 p.